

Кцоева Султана Гильмидиновна

ЯСПЕРС И ПОСТМОДЕРНИЗМ В ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В ПОЗНАНИИ ПРОШЛОГО

В статье рассматривается вопрос об истине в историческом познании с точки зрения немецкого философа-экзистенциалиста, историка, культуролога и публициста Карла Ясперса. Основное внимание в работе автор акцентирует на понимании Ясперсом исторической истины как непостижимой сущности, на том, что с точки зрения ученого считается "доказуемостью" исторической истины.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-2/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. II. С. 126-128. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93

Исторические науки и археология

В статье рассматривается вопрос об истине в историческом познании с точки зрения немецкого философа-экзистенциалиста, историка, культуролога и публициста Карла Ясперса. Основное внимание в работе автор акцентирует на понимании Ясперсом исторической истины как непостижимой сущности, на том, что с точки зрения ученого считается «доказуемостью» исторической истины.

Ключевые слова и фразы: Карл Ясперс; истина в истории; мировая история; смысл истории; цивилизация; эмпиризм.

Кцоева Султана Гильмидиновна, к.и.н.
Институт цивилизации, г. Владикавказ
sultana_t@mail.ru

**ЯСПЕРС И ПОСТМОДЕРНИЗМ В ИСТОРИИ:
ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В ПОЗНАНИИ ПРОШЛОГО[©]**

*История – это философия, которая учит нас с помощью примеров.
Боллингброк*

Трудно себе представить понятие более зыбкое, чем истина в истории. Ситуация усугубляется тем, что глобальные историко-теоретические построения, возникавшие еще в античности и Средние века и приобретшие популярность в XIX–XX веках, ставшие своего рода венцом человеческого понимания истории, в эпоху постмодерна оказались почти совершенно обесцененными. Современным исследователям уже присущ научно-мировоззренческий плюрализм.

Тем не менее, несмотря на упомянутый сдвиг в сторону от монизма, парадигм и клише в сфере социально-гуманитарного знания стремление к объективной истине по-прежнему осталось неизменной целью научного познания. Правда, проблема исторической истины в сравнении с остальными социогуманитарными науками всегда содержала в себе определенную специфику: два основных метода исторического исследования – исторический (который воссоздает историю объекта в мельчайших подробностях) и логический (конструирующий историю объекта стилизованно, без «лишних» случайностей, не вписывающихся в выстраиваемую закономерность) – в силу того, что являются, по сути, методами теоретическими, принципиально не проверяемы эмпирически. И, таким образом, в качестве основного критерия истинности исторического знания будет выступать его внутренняя непротиворечивость. При этом истина по-прежнему одна, но постмодернистские вызовы диктуют ее разное понимание и предоставляют возможности для ее многомерных и подчас противоречивых интерпретаций.

В этой связи примечателен подход немецкого ученого середины XX в. Карла Ясперса, помимо прочего явившегося автором концепции истины в истории. В чем ее суть? Насколько она вписывается в современное поле теоретико-методологических исторических исследований? На эти и иные вопросы призвана ответить настоящая статья.

Прежде чем говорить об истине в истории, следует затронуть вопрос об истине вообще.

Как известно, классическое понимание истины как соответствия знания действительности возникло еще в античной Греции: «... Не потому ты бледен, что мы правильно считаем тебя бледным, – писал Аристотель в «Метафизике», – а, наоборот, именно потому, что ты бледен, мы, утверждающие это, говорим правду» [1, с. 250].

Вслед за «истинной» Аристотеля сложилась целая система последовательного развития идей ее понимания. В основе различий между ними лежит понимание действительности. Так, Беркли и Мах считали действительностью комбинацию ощущений, Платон – сверхчеловеческие идеи, Гегель – мировой разум. Материалисты понимали под действительностью объективную реальность, существующую безотносительно человека, а истиной считали «адекватное отражение объективной реальности познающим субъектом» [4, с. 66].

Гегелевская диалектика, мыслившая истину как процесс, в некоторой степени предугадала нынешний повсеместный отход от догматического понимания истины, в том числе и исторической. Б. Г. Соколов в своей монографии «Гипертекст истории» пишет: «Истина – это не нечто застывшее, — же свершившееся» или нечто, могущее быть зафиксированным. Истина – это, прежде всего, открытость, это разомкнутый процесс приоткрывания всех сфер реальности, участвующих в конституировании, иными словами, в создании общего, обживаемого человеком пространства. Этот процесс делает любые сферы сопresentствующими друг другу и взаимоустанавливающими друг друга. И поэтому все сферы реальности обретают через открытость истины черты друг друга, и эта взаимооткрытость, через —уч присутствия» иного, оформляет их, придает форму. Истина не может быть зафиксирована, не может обрести —застывший» статус, особенно наглядно это можно увидеть в сферах, которые —включаются» в универсум смысла, а соответственно в постоянно расширяющийся и изменяющийся универсум интерпретаций и в порождения смысла. Смысл всегда в пути, и истина следует ему в этом. Смысл и истина настолько тесно связаны друг с другом, что не могут быть помыслены изолированно: там, где мы имеем дело со смыслом, он проявляется. В своей проброшенной открытости,

в свою очередь, невозможно говорить о бессмысленной истине, ибо истина сразу же в своем постоянном движении приоткрывания порождает смысл. Вернее сказать, истина всегда находится в смысле. Можно достаточно парадоксально выразить это соотношение следующим образом: смысл растворен в истине, а истина находится в универсуме смысла. Этот парадокс (когда обе «ущности» включаются друг в друга) отражает реальный процесс событийного конституирования» [3, с. 157].

Таким образом, ни классическое, ни материалистическое понимание истины вообще не раскрывают в полной мере специфику истины исторической. Исторический объект, включенный в познавательный процесс, зависит от субъекта в том смысле, что его восприятие субъектом обусловлено комплексом объективных и субъективных факторов. А это, в свою очередь, означает, что историческое познание не есть простое копирование объекта. Историческая истина сравнима с переводом текста с языка оригинала – это всегда лишь более или менее близкая к действительности интерпретация.

Рассуждая об истине вслед за Гегелем, Ясперс не спорит со своим великим соотечественником: «Уж коли в истории раскрывается бытие, то истина присутствует в истории всегда, никогда в ней не завершаясь и находясь в беспрестанном движении. Там, где истину рассматривают как что-то, чем уже абсолютно владеют, она ускользает. Чем движение более радикально, тем глубже раскрываются пласты истины. Именно по этой причине величайшие духовные творения создаются в переходные периоды истории, на стыке разных эпох» [5, с. 251].

Итак, Ясперс признает конечную истину недостижимой и существенным в истории считает только одно – способность человека вспоминать, а тем самым и сохранять то, что было фактором грядущего. Человеческая жизнь слишком коротка для постижения истины, и, вероятнее всего, человек, посвятивший ее поиску всю жизнь, на склоне лет обнаружит, что он смог только выбрать путь, в конце которого можно обрести истину. Однако на это у него уже не остается времени...

«В настоящее время, – пишет Ясперс, – уже преодолевается взгляд на историю, который видел в нем обозримое целое. Не существует такого целостного понимания истории, в котором бы и мы нашли свое место. Мы находимся внутри недостроенной, постоянно меняющейся обители исторической целостности. Мы не находим и исторически локализованного откровения абсолютной истины. Нигде не находим мы того, что было бы идентично воспроизводимо. Истина сокрыта в источнике, неведомом нам... Всякий раз, когда мы станем на путь исторической абсолютизации, мы неизбежно придем к убеждению в том, что мы находимся на заведомо ложном пути...» [Там же, с. 272].

А возможно ли вообще избежать оценочных суждений в ходе исторического повествования, то есть добиться «объективности»? Может быть, есть возможность создания «универсальной истории», обладающей приемлемостью и значимостью для каждого? Ответ очевиден: при бесконечном количестве пространственно, культурно, временно, контекстуально разделенных культурно-исторических контекстов возникнет равное количество типов исторического описания, моделей исторического построения «ноуменального» событийного материала. Но в этом случае мы будем иметь дело, скорее, с литературным произведением, нежели с историческим исследованием. Так или иначе, вопрос остается открытым: истина в истории одна или их много? Или историческая истина, если вообще возможно так сказать, одна в своей множественности?

И действительно, «мы то и дело создаем концепции всемирно-исторического развития, – говорит Ясперс. Если из них и суждено в перспективе сложиться схемам истории, то их смысл тут же искажается, как только какое-либо из подобных целостных построений начинает рассматриваться как истинное знание целого... Истина постижима лишь тогда, когда исследуется не тотальная причинная связь, а лишь определенные причинно-следственные связи в их бесконечности» [Там же, с. 273]. И далее: «Для каждой концепции целостного исторического развития теперь необходимо, чтобы эта концепция была эмпирически доказана» [Там же].

Совершенно очевидно, что доказуемость исторических построений Ясперс считает первостепенным условием истинности исторических знаний. Причем речь идет не только о логической, но и об эмпирической доказуемости. Правда, здесь возникает некоторая неувязка с общей контекстной спецификой исторического знания: эмпирические методы исследования не входят в ряд общенаучных и, как правило, применяются в естественных науках.

Осмелимся предположить, что под эмпирической доказуемостью исторического знания Ясперс имел в виду отдельные факты или тенденции развития, имеющие место в настоящем, описываемые в прошлом, или же какие-нибудь события прошлого, ныне подтверждаемые: «Мы не приемлем представлений о событиях или состояниях, требующих дальнейшей конкретизации. Мы жадно ищем исключительно реальных данных. Ирреальное уже не принимается и не может быть принято. Значимость подобного сдвига в нашем сознании стало совершенно очевидным хотя бы потому, что еще Шеллинг был убежден в том, что мир существует 6000 лет с момента сотворения, тогда как ныне ни у кого не вызывают сомнения свидетельства о существовании человека в течение свыше ста тысяч лет, на что указывают, в частности, костные останки» [Там же].

Совершенно очевидно: разрозненные факты, пусть и подтвержденные действительностью, отнюдь не заменяют собой эмпирического метода. Вероятнее всего, эмпиризм в истории и вовсе неприменим. Скорее всего, Ясперс и сам понимал это: «Тотальность истории представляет собой открытое целое. Эмпирическое знание перед лицом этой тотальности осознает всю незначительность своих фактических данных и всегда готова к тому, чтобы воспринимать новые факты» [Там же, с. 273-274].

Заметим, что краеугольный камень своей исторической концепции – «осевое время» – Ясперс основал... на тезисе веры, поскольку основной принцип исторического развития человечества, подчеркнутый им (и не только им, но и многими философами и историками), не поддается эмпирическому обоснованию [2, с. 107-111].

Проблема незавершенности исторического познания, вопрос о невозможности постижения исторической истины пронизывают суть всех исторических сочинений Ясперса: «Мы убедились: история не завершена, она таит в себе бесконечные возможности; любая концепция познанного исторического целого разрушается, новые факты открывают в прошлом не замеченную нами раньше истину. То, что прежде отпадало как несущественное, обретает первостепенную значимость. Завершение истории кажется нам невозможным, она движется из одной бесконечности в другую, и бессмысленно прервать ее может лишь внешняя катастрофа» [5, с. 277].

Но, несмотря на кажущийся пессимизм (именно кажущийся, т.к. пока история не завершена и познать ее нельзя, будет существовать человек), позиция Ясперса обнадеживает. Человек, не обладая полнотой знания истории, постоянно стремится обрести ее.

Осознавая очевидную беспомощность эмпиризма как метода глобального познания истории, Ясперс выводит собственный, новый метод постижения исторической истины, содержащий следующие моменты:

- 1) ориентация на единство человечества;
- 2) стремление к осознанию собственной историчности через осознание общечеловеческой историчности.

При этом необходимо помнить о различии между «историей действительной» и «историей осознанной». Адекватное понимание сохранившихся исторических источников, а зачастую и современных текстов – наиболее сложная задача для историка в силу «оторванности», по словам Ясперса, и от «мастерских» несовершенной мысли, и от реальных возможностей воссоздания подлинного облика личностей прошлого.

По мысли Ясперса, историк должен стремиться к осмыслению:

- 1) социальных структур исследуемого мира;
- 2) специфики общественного сознания (мышления и мировоззрения);
- 3) системы научных представлений;
- 4) религии;
- 5) поэзии, искусства;
- 6) системного взаимодействия всех перечисленных объектов.

Поставленная Ясперсом цель – создание схемы мировой истории, – по его мнению, стала осуществима лишь в контексте постижения всемирной истории.

Постижение исторической истины по Ясперсу есть процесс бесконечный как в смысловой, так и временной протяженности. При этом он демонстрирует убежденность в том, что подлинная историческая истина выкристаллизовывается лишь в процессе человеческого общения, в притязании на безграничную коммуникацию. Единство, по его мнению, не исчерпывается постигнутым и сформулированным. Оно присутствует в этом лишь тогда, если в основе процесса и цели познания лежит коммуникация человека с человеком.

Как мы видим, проблема истины в истории, такой, какой ее мыслит Ясперс, не может быть решена вне условий человеческой коммуникации. Без понимания коммуникации – краеугольного камня исторической концепции Ясперса – от нас ускользает главное – смысл истории.

Иными словами, постижение существующего многообразия мира, социокультурных различий между народами, цивилизациями рано или поздно станет условием новой интеграции. В этом смысле концепция Ясперса кардинально отличается от конструкторов Шпенглера и Тойнби: Ясперс вновь (вслед за своими предшественниками Кантом, Шиллером и Гегелем) обращается к поискам общечеловеческого единства, исторического процесса и его общего смысла. Возможно, именно попытка возврата к упомянутой универсальности обусловила созвучность размышлений Ясперса идеям его предшественников, с той лишь разницей, что прошлое становится таким же изменчивым, как и будущее, тающее в себе множество перспективных вариантов развития, а это значит, что оно не может быть познано окончательно.

Список литературы

1. **Аристотель.** Собр. соч.: в 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
2. **Кцюева С. Г.** Философская вера или о смысле религиозных воззрений Карла Ясперса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6. Ч. 2. С. 107-111.
3. **Соколов Б. Г.** Гипертекст истории. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 193 с.
4. **Философия. Часть II. Основные проблемы философии** / под ред. В. И. Кириллова. М.: Юрист, 1997. 320 с.
5. **Ясперс К.** Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.

JASPERS AND POSTMODERNISM IN HISTORY: PROBLEM OF TRUTH IN COGNITION OF THE PAST

Ktsoeva Sultana Gil'midinovna, Ph. D. in History
Institute of Civilization in Vladikavkaz
sultana_t@mail.ru

The article considers the issue of truth in historical cognition from the point of view of the German philosopher-existentialist, historian, culture expert and publicist Karl Jaspers. The author pays special attention to Jaspers's understanding of historical truth as unknowable essence, and to the «provability» of historical truth in the scientist's opinion.

Key words and phrases: Karl Jaspers; truth in history; world history; history sense; civilization; empiricism.